Минувшие десять дней со стороны радыгинского полигона раздавались сильные взрывы. Особенно сильно рвануло 31 октября, в среду. В городе сильно задребезжали стекла, а дома тряслись, как при землетрясении. У многих горожан тогда возникла мысль: «У военных что-то не так». И они оказались правы.
Журналисты нашей газеты в минувший четверг отправились к месту подрывов на радыгинский полигон. Ехать от города нам пришлось не более сорока минут. На 25-м километре дороги в сторону Налычево, мы увидели поворот налево. На съезде стоял шлагбаум и предупредительные знаки «Осторожно, подрывы!». Солдаты, охраняющие шлагбаум, пояснили нам, что стоять здесь нельзя, а взрывы видны со всех сторон. Полигон для подрыва списанного боезапаса находился всего в трех километрах от главной радыгинской дороги, у самого подножия Козельского вулкана. Нам пришлось разместиться примерно в километре от поворота на полигон, на наблюдательном пункте стрельбища для подготовки наводчиков танков и БМП. Местность отлично просматривалась километров на пять. Район полигона был виден как на ладони. Нам осталось дождаться лишь семнадцати часов и сфотографировать «фейерверк». Наши военнослужащие производили подрывы с 17 до 18 часов. В 15 часов 30 минут на дороге показались два автобуса, которые привезли два взвода солдат, т.е. рабочую силу. Еще через десять минут пять бортовых автомобилей «Урал» и один «КАМАЗ» доставили снаряды для утилизации.
Судя по ящикам, находящимся в автомашинах, должны были взрывать стомиллиметровые снаряды общим весом примерно 18 тонн. Если учесть, что в каждом снаряде около пяти килограммов пороха и пять килограммов взрывчатого вещества (в тротиловом эквиваленте), а сам снаряд весит примерно пятьдесят пять килограммов, то нетрудно посчитать, чему равен общий тротиловый эквивалент всего боезапаса, предназначенного для подрыва – 3600 килограммов адской смеси. При утилизации боеприпасов и взрывчатых компонентов к ним одна закладка не должна превышать более 200 килограммов взрывчатых веществ. Поэтому на полигоне должно было произойти не менее 18 взрывов. (Забегая вперед, скажу, что так оно и было в четверг, 1 октября).
Солдаты разгрузили автомобили, вынули из ящиков снаряды и аккуратно перенесли их в специально подготовленные на полигоне места. Пустые ящики вернули в кузова, и колонна грузовиков тронулась в обратный путь.
Ровно в 17 часов 20 минут прогремел первый взрыв. А затем с интервалом чуть более одной минуты громыхнули еще семнадцать. Находясь на стрельбище, на наблюдательном пункте, мы смогли увидеть, что при подрыве на окнах едва дребезжали стекла. И судя по тому, что нам даже не заложило уши, взрывная волна была маломощной.
Перед самыми подрывами мы внимательно осмотрели стекла на наблюдательном пункте. Некоторые из них были разбиты, точнее, расколоты на довольно большие куски «правильной» формы. Очень похоже, что стекла выпали из креплений из-за какого-то механического воздействия, а не потому, что какие-то хулиганы решили поупражняться в метании камней. Очень похоже на действие взрывной волны. Значит, господа военные делали закладку боезапаса больше нормы. Как не крути, чем больше списанного боезапаса, тем больше материальных средств тратится, чтобы его взорвать. Чем больше подрывов, тем больше тратится толовых шашек, взрывателей и т.п. Когда какая либо лицензированная организация выигрывает конкурс на утилизацию боеприпасов,

она потом на всем экономит деньги. Каждый подрыв стоит немалых средств. Значит, подрывники заинтересованы увеличивать объемы закладок. А это, в свою очередь, ведет к увеличению мощности взрыва. Поэтому горожане и вздрагивали, когда мощная ударная волна накрывала город.
Кто контролирует деятельность подрывников на Камчатке? И как технически осуществляется контроль? Оказывается, подрывных дел мастеров не контролирует никто. Мы пытались добиться ответа на этот и другие вопросы от пресс-службы Группировки Войск и Сил на Северо-Востоке РФ. Оказалось, что они неправомочны давать подобную информацию, так как у них, дословно «только филиал». А головной отдел, оказывается, находится во Владивостоке. Связавшись с головным отделом, мы получили ответ, что они тоже ничего не решают и надо звонить в Хабаровск в Управление информационного обеспечения Восточного военного округа.
В конце концов, из Хабаровска на все наши вопросы был получен один ответ – информации никакой не будет. Давайте посчитаем, сколько офицеров-политрабочих готовили сей незатейливый текст. В камчатском филиале – два человека, в управлении информационного обеспечения ТОФ – пять человек, в управлении информационного обеспечения Восточного округа – семь человек. Итого, четырнадцать политработников и гражданских служащих пытались объяснить, что никакой информации давать не хотят. Есть такой старый советско-армейский анекдот. Старушка, работающая в библиотеке военно-политической академии, просит своего начальника: «Голубчик, пришлите мне четырех толковых политработников лампочку вкрутить». Как оказалось, старушка так и осталась сидеть без лампочки.
Такая армия непобедима. Кто с нами захочет связываться и куда девать таких пленных?

Когда мы говорим об утилизации боеприпасов, то представляем себе, в первую очередь, снаряды. В основном, так оно и есть. Но кроме снарядов у нас есть много ракет различного назначения и с различной по тротиловому эквиваленту начинкой (кроме, разумеется, ядерных боеприпасов). Их боевые части имеют мощность взрыва равную 500-600 килограммов в тротиловом эквиваленте. Некоторые морские мины обладают взрывной силой до 1000 килограммов в переводе на тротил. Взрывать подобные смертоносные «игрушки» придется целиком, а не по частям. Вот тогда Петропавловск-Камчатский может действительно вздрогнуть.
Вспомните начало октября 2005 года, когда в поселке Южные Коряки взорвались склады для хранения боеприпасов, снарядов, ракет, мин, глубинных бомб, боевых частей от ракет и т.п. Взрывная волна произвела разрушения на расстоянии двадцати километров. Слава Богу, жертв не было, если не считать четырех контуженных. К счастью, боезапас успели перебазировать из Аммональной пади (район улицы Индустриальной, сразу за военным госпиталем) в Южные Коряки еще в 2000-м году. Иначе жертв и разрушений было бы предостаточно. За последние 12 лет в России взлетело на воздух 15 складов с боеприпасами. Погибли 42 человека и больше трехсот получили ранения. Почему военные склады с боезапасом регулярно взрываются? И можно ли утилизировать боезапасы иным способом, без подрывов? Есть ли смысл распатронировать снаряды для последующей продажи гильз как лом цветного металла? Почему Группировка Войск и Сил на Северо-Востоке РФ перестала топить снаряды?
В следующем номере «Вестей» мы постараемся ответить на все вышеперечисленные вопросы. А пока гремят взрывы, все не так уж безобидно, как нам говорят.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ.